

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ
О ВЕЛИКИХ ЛЮДЯХ ЗЕМЛИ НОВГОРОДСКОЙ

А.Ф.Чистяков

Александр Невский в Новгороде

Здесь горсть земли
В деснице поднял Невский,
Чтобы на льду чудском
Не дрогнул меч, -
И с поля боя
Поднялся на фрески
И на экран,
Сквозь частоколы свеч.
Глядит он с фресок
И с телеэкранов
И видит,
Как за древние концы,
С двух берегов
Раскинув крылья кранов,
Возносятся над Волховом дворцы,
Как, проседая каменной статью,
Вросли соборы
В семь пластов земли...
Здесь княжил он,
Отсюда изгнан знатью.
Героя здесь
В святые возвели.
Глядит поверх усобиц и гонений,
Поверх превратностей своей судьбы, -
Сквозь целые столетья видит гений,
Гонители
Во все века
Слепы.

К.М.Симонов
Ледовое побоище

(отрывок)

Глава VI

«... и бысть сеча ту велика Немцев и Чюди».

(Новгородская Первая Летопись)

На голубом и мокроватом
Чудском потрескивавшем льду
В шесть тыщ семьсот пятидесятом
От сотворения году,

В субботу пятого апреля,
Сырой рассветною порой
Передовые рассмотрели
Идущих немцев темный строй.

На шапках - перья птиц веселых,
На шлемах - конские хвосты.
Над ними на древках тяжелых
Качались черные кресты.

Оруженосцы сзади гордо
Везли фамильные щиты,
На них гербов медвежьи морды,
Оружье, башни и цветы.

Все было дьявольски красиво,
Как будто эти господа,
Уже сломивши нашу силу,
Гулять отправились сюда.

Ну что ж, сведем полки с полками,
Довольно с нас посольств, измен,
Ошую нас Вороний Камень
И одесную нас Узмень.

Под нами лед, над нами небо,
За нами наши города,
Ни леса, ни земли, ни хлеба
Не взять вам больше никогда.

Всю ночь, треща смолой, горели
За нами красные костры.
Мы перед боем руки грели,
Чтоб не скользили топоры.

Углом вперед, от всех особо,
Одеты в шубы, в армяки,
Стояли темные от злобы.
Псковские пешие полки.

Их немцы доняли железом,
Угнали их детей и жен,
Их двор пограблен, скот порезан,
Посев потоптан, дом сожжен.

Их князь поставил в середину,
Чтоб первый приняли напор.
Надежен в черную годину
Мужицкий кованый топор!

Князь перед русскими полками
Коня с разлета повернул,
Закованными в сталь руками
Под облака сердито ткнул.

«Пусть с немцами нас бог рассудит
Без проволочек тут, на льду,
При нас мечи, и, будь что будет,
Поможем божьему суду!»

Князь поскакал к прибрежным скалам,
На них вскарабкавшись с трудом,
Высокий выступ отыскал он,
Откуда видно все кругом.

И оглянулся. Где-то сзади
Среди деревьев и камней
Его полки стоят в засаде,
Держа на привязи коней.

А впереди, по звонким льдинам
Гремя тяжелой чешуей,
Ливонцы едут грозным клином —
Свиной железной головой.

Был первый натиск немцев страшен.
В пехоту русскую углом,
Двумя рядами конных башен
Они врубались напролом.

Как в бурю гневные барашки,
Среди немецких шишаков
Мелькали белые рубашки,
Бараньи шапки мужиков.

В рубахах стиранных нательных,
Тулупы на землю швырнув,
Они бросались в бой смертельный.
Широко ворот распахнув.

Так легче бить врага с размаху,
А коли надо умирать,
Так лучше чистую рубаху
Своею кровью замарать.

Они с открытыми глазами
На немцев голой грудью шли.
До кости пальцы разрезая,
Склоняли копья до земли.

И там, где копья пригибались,
Они в отчаянной резне
Сквозь строй немецкий прорубались
Плечом к плечу, спиной к спине.

Онцыфор в глубь рядов пробился,
С помятой шеей и ребром,
Вертясь и прыгая, рубился
Большим, тяжелым топором.

Семь раз топор его поднялся,
Семь раз коробилась броня,
Семь раз ливонец наклонялся
И с лязгом рушился с коня.

С восьмым, последним по зароку,
Онцыфор стал лицом к лицу,
Когда его девятый сбоку
Мечом ударил по крестцу.

Онцыфор молча обернулся,
С трудом собрал остаток сил,
На немца рыжего рванулся
И топором его скосил.

Они свалились наземь, рядом,
И долго дрались в толкотне.
Онцыфор помутневшим взглядом
Заметил щель в его броне.

С ладони кожу обдирая,
Пролез он всею пятерней
Туда, где шлем немецкий краем
Неплотно сцеплен был с броней.

И, при последнем издыханье,
Он в пальцах жестких и худых
Смертельно стиснул на прощанье
Мясистый рыцарский кадык.

Уже смешались люди, кони,
Мечи, секиры, топоры,
А князь по-прежнему спокойно
Следил за битвою с горы.

Лицо замерзло как нарочно,
Он шлем к уздечке пристегнул
И шапку с волчьей оторочкой
На лоб и уши натянул.

Его дружинники скучали,
Топтались кони, тлел костер.
Бояре старые ворчали:
«Иль меч у князя не остер?

Не так дрались отцы и деды
За свой удел, за город свой,
Бросались в бой, ища победы,
Рискуя княжьей головой!»

Князь молча слушал разговоры,
Насупясь на коне сидел;
Сегодня он спасал не город,
Не вотчину, не свой удел.

Сегодня силой всенародной
Он путь ливонцам закрывал.
И тот, кто рисковал сегодня,
Тот всею Русью рисковал.

Пускай бояре брешут дружно —
Он видел все, он твердо знал,
Когда полкам засадным нужно
Подать условленный сигнал.

И, только выждав, чтоб ливонцы,
Смешав ряды, втянулись в бой,
Он, полыхнув мечом на солнце,
Повел дружину за собой.

Подняв мечи из русской стали,
Нагнув копейные древки,
Из леса с криком вылетали
Новгородские полки.

По льду летели с лязгом, с громом,
К мохнатым гривам наклонясь;
И первым на коне огромном
В немецкий строй врубился князь.

И, отступая перед князем,
Бросая копья и щиты,
С коней валились немцы наземь,
Воздев железные персты.

Гнедые кони горячились,
Из-под копыт вздымали прах,
Тела по снегу волочились,
Завязнув в узких стременах.

Стоял суровый беспорядок
Железа, крови и воды.
На месте рыцарских отрядов
Легли кровавые следы.

Одни лежали, захлебнувшись
В кровавой ледяной воде,
Другие мчались прочь, пригнувшись,
Трусливо шпоря лошадей.

Под ними лошади тонули,
Под ними дыбом лед вставал,
Их стремяна на дно тянули,
Им панцирь выплыть не давал.

Бежали, щелкая зубами
И облегчаясь на ходу.
Щиты с фамильными гербами
Валялись сзади них на льду.

Брело под взглядами косыми
Немало пойманных господ,
Впервые пятками босыми
Прилежно шлепая об лед.

И князь, едва остыв от свалки,
Из-под руки уже следил,
Как беглецов остаток жалкий
К ливонским землям уходил.

А.Н.Майков
В Городце в 1263 году*

Ночь на дворе и мороз.
Месяц – два радужных светлых венца вокруг него...
По небу словно идет торжество;
В келье ж игуменской зрелище скорби и слез...
В келье лампада пред образом Спаса горит;
Тихо игумен пред ним на молитве стоит;
Тихо бояре стоят по углам;
Тих и недвижим лежит, головой к образам,
Князь Александр, черной схимой покрыт...
Страшного часа все ждут: нет надежды, уж нет!
Слышится в келье порой лишь болящего бред.
Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность
глядит...
Сон ли проходит пред ним, иль видений таинственных
цепь –
Видит он: степь, беспредельная бурая степь...
Войлок разостлан на выжженной солнцем земле.
Видит: отец! смертный пот на челе,
Весь изможден он, и бледен, и слаб...
Шел из Орды он, как данник, как раб...
В сердце, знать, сил не хватило обиду стерпеть...
И простонал Александр: «Так и мне умереть...»
Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность
глядит...
Видит: шатер, дорогой, златотканый шатер...
Трон золотой на пурпурный поставлен ковер...
Хан восседает средь тысячи мурз и князей...
Князь Михаил** перед ставкой стоит у дверей...
Подняты копыя над княжеской светлой главой...
Молят бояре горячей мольбой...
«Не поклонюсь истуканам вовек», - он твердит...

* Городец на Волге, там умер на возвратном пути из Орды Александр Ярославович Невский в 1263 г.
** Князь Михаил Черниговский.

Миг - и повержен во прах он лежит...
Топчут ногами и копьями колют его...
Хан, изумленный, глядит из шатра своего...
Князь отвернулся со стоном и, очи закрыв,
«Я ж, - говорит, - поклонился болванам, чрез огонь я
прошел,

Жизнь я святому венцу предпочел...
Но, - на Спасителя взор устремив, -
Боже! ты знаешь - не ради себя -
Многострадальный народ свой лишь паче души
возлюбя!...»

Слышат бояре и шепчут, крестясь:
«Грех твой, кормилец, на нас!»
Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность
глядит...

Снится ему Ярославов в Новгороде двор...
В шумной толпе и мятеж, и раздор...
Все собралися концы и шумят...

«Все постоим за святую Софию, - вопят, -
Дань ей несут от Угорской земли до Ганзы...
Немцам и шведам страшней нет грозы...
Сам ты водил нас, и Биргер твое
Помнит досель на лице, чай, копьё!..
Рыцари, - памятен им пооттаявший лед!..
Конница словно как в море летит кровяном!..
Бейте, колите, берите живьем
Лживый, коварный, пришельческий род!..
Нам ли баскаков пустить

Грабить казну, на правеж нас водить?
Злата и серебра горы у нас в погребях, -
Нам ли валяться у хана в ногах!
Бей их, руби их, баскаков поганых, татар!...»
И разлилася река, взволновался пожар...
Князь приподнялся на ложе своем;
Очи сверкнули огнем,
Грозно сверкнули всем гневом высокой души, -
Крикнул: «Эй вы, торгаши!

